

Целитель.

Глава 1.

Квартал, в котором жили Се Джин и его брат, встречал солнце раньше всех. До неба было рукой подать. Смена сезонов ощущалась сильнее, чем где-либо в городе.

Несмотря на поразительный вид, открытый с этой высоты, каждый местный житель мечтал переехать в район пониже. Чтобы однажды себе это позволить, народ трудился от рассвета до заката, при этом всё больше нищая.

Отец мальчиков уже несколько месяцев находился в вегетативном состоянии после того, как на него на стройке упал кирпич. В прошлом у двух братьев была мать. Она, заливаясь алкоголем и с неизменной сигаретой в зубах, скорбела о неудавшейся судьбе, так что до остального руки не доходили. Се Джин не помнил, видел ли её когда-нибудь без бутылки.

Однажды, в Рождественскую ночь, когда трещали морозы, его мать, пребывая в хмельной отключке, замёрзла насмерть. Её нашли на углу соседней улицы. С того дня Рождество стало для Се Джина кошмаром.

- Какой красавец. Прямо как твоя мамаша. Только не последуй её примеру. Она таскалась с чужими мужчинами, и её застукали, - старуха сидела в переулке на лавочке и бормотала, красуясь двумя оставшимися зубами. Провожая взглядом идущего по переулку Се Джина, она сетовала на безденежье, сокрушалась о том, какие трудности выпали на долю мальчика и на его старшего брата, который усложняет ему жизнь.

Се Джин не думал о будущем и не злился на обстоятельства. Он выматывался каждый день, на размышления сил простоне оставалось. Соседка махнула мальчику рукой, подзывая, чтобы угостить сладостями, но Се Джин только нахмурился и быстрее зашагал прочь.

Се Джин с братом жили на возвышенности недалеко от склона. Все дома здесь были ветхими, с перекошенными крышами и трещинами, замазанными цементом.

Когда Се Джин открыл дверь, задребезжали стёкла, склеенные скотчем. Войдя в комнату, он почувствовал резкий запах. На кровати, с растерянным видом, сидел его брат. Приподняв одеяло, которым тот был накрыт, Се Джин увидел испачканные спортивные штаны.

- Да, что ж такое! Когда ты успел снять подгузник? Я же тебя просил не снимать его, пока не вернусь!

Старший брат понурился, как побитая собака.

- В нём неудобно. Он мокрый и натирает.

Юноше был 21 год, но он относился к своему четырнадцатилетнему брату как к старшему, опоре и защите. Брат Се Джина нигде не учился и не работал. Комната с диваном и вешалками была всем его миром. Если бы Се Джин не позаботился о подгузниках, тот так и вонял бы несколько дней.

Знакомые называли его убогим. Се Джин ненавидел людей, которые так говорили, и вместе с тем ему было стыдно за старшего брата.

В церкви одна хористка поведала, что этот недуг называется когнитивное расстройство личности. Эта болезнь не выпускает человека из плена собственного мира. Без должного лечения состояние только усугубляется. Брат был связан болезнью по рукам и ногам, и никакая ругань тут не поможет. Горько было осознавать, что раньше он этого не знал.

Се Джин потащил брата на кухню, стянул с него штаны и направил струю воды на его зад.

- Холодно, холодно...

- А я тебе говорил, не снимать подгузник! Бойлер сломан, газ отключён, горячей воды нет.

Под грозным взглядом брата тот отвернулся, пригладив сальные волосы. Не выдержав холодного душа, он перебежал в другой угол кухни и прижался к стене, так что его нельзя было выманить даже конфетами.

Се Джин резко ткнул пальцем в сторону шкафа.

- Ой! Что это там? Не крысиный хвост торчит из кастрюли?

Брат переключил внимание на шкаф, Се Джин воспользовался моментом и снова облил его холодной водой. Старший брат захныкал, а Се Джин только хихикнул, довольный собой.

Говорили, что в молодости их отец покорял сердца местных девушек, одной из них была мать мальчиков. Старший брат походил на отца, но болезнь затронула его внешнюю красоту.

Парня, чьё умственное развитие заметно отстаёт от физического, везде сторонятся. Младший брат же напротив, соображал не по годам.

Се Джин нахмурился. Обтирая полотенцем нижнюю часть тела брата, он заметил, что его член внезапно увеличился в объёме. Он попытался быстро натянуть на него боксеры и штаны. Большая рука схватила Се Джина за волосы, и что-то влажное потёрлось о его щеку и губы. Старший брат всхлипнул, притянул затылок Се Джина к себе и начал быстро толкаться. Вот что значит, всегда соблюдать осторожность. Се Джин замолотил по нему кулаками в попытках вырваться.

- А-а! Тьфу! Пусти! Придурок!

- М-м! М-м!!!

Приложив все свои усилия, Се Джин старался отстранить губы от набухшей плоти, но с зажатой головой оказался беспомощен перед таким диким давлением. Дыхание над его затылком стало более хищным, а пульсирующая головка члена пыталась протолкнуться в рот. В его голове раздался тревожный сигнал. Он на ощупь отыскал раковину, схватил сковороду и, размахнувшись не глядя, приложил ею нападающего. С грохотом старший брат плюхнулся на пол..

- Ау... Больно..., - обиженно заныл он, держась за плечо

Протест в голосе совершенно не соответствовал животному поведению. Его член всё ещё подрагивал от неудовлетворённой потребности. Се Джин тяжело сглотнул и вытер слезь с лица. Он пристально посмотрел на агрессора.

- Ещё раз так сделаешь, и я попрошу полицию его отрезать.

Тот, на удивление, быстро почувствовал опасность. Со слезами на глазах закрыл руками свои гениталии и застонал, что так нельзя.

Он никогда не заведёт отношений. Мужское достоинство для старшего брата Се Джина служило всего лишь бесполезной декорацией. В голове Се Джина промелькнула жестокая идея. Не раздумывая, он плеснул в брата холодной водой прямо ниже пояса.

Се Джин заставил брата умыться, и они вместе поели рамён. Государство платило мизерное пособие. Рис, который они взяли в церкви, уже закончился, поэтому до следующей недели братья могли рассчитывать только на рамён .

- Кого ты любишь больше всех на свете? - спросил Се Джин, взяв в руки палочки - Се Джина, любимого братика.

- Правда?

- Да.

Слышать этот нехитрый выбор было просто утешением. Мелочь, но она придавала хоть какой-то смысл заботам о пропитании, уходу за братом и уборке фекалий в доме.

- Это из-за еды?

Брат замотал головой. Се Джин сделал вид, что поверил и положил ему ещё рамена из своей тарелки.

- Спасибо. - Старший брат расплылся в улыбке. Именно в такие моменты Се Джину хотелось погладить брата по голове, смахнуть рукой бисеринки пота и поскорее опустошить свою тарелку, пока тот снова не стал коситься на неё жалобным взглядом. Сделав пару взмахов палочками, Се Джин выпил бульон, наполнив голодный желудок и в миске ничего не осталось.

- Ах, ты, сукин сын, ты как с мамой разговариваешь?!

- Мам, ты с ума сошла? Я же сказал тебе не приводить больше никого! Я с тобой свихнусь!

- А! Ты что?! Что ты делаешь?! Братан, успокойся!

В этот день из дома Че У и его семейки доносились крики. Послышался шум драки, и звон бьющегося стекла. Сегодня сосед разбушевался. Се Джин отошёл в угол и закрыл уши. Раздался звук выбиваемой двери и торопливые шаги. Че У жил через несколько домов. Их было трое в семье: он, мать и брат - старшекласник. Они не общались с соседями, да и никто в округе не горел желанием наладить контакт с ними. Тем не менее, этот неблагополучный дом постоянно посещали разные люди. Визитёры приходили весьма подавленными, но уходя, выглядели жизнерадостно. Че У и его брат, напротив, с каждым днём казались все более несчастными. Только спустя время Се Джин узнал невероятную тайну.

Однажды после игр в заброшенном доме Се Джин и его друг Хён Ук возвращались домой. И хотя Хён Ук жил в просторной квартире в соседнем нижнем квартале, он всё равно часто приходил наверх. У Хён Ука всегда было много друзей, но с Се Джином они подружились только в средней школе, когда попали в один класс. Именно Хён Ук в первый раз пригласил его в церковь.

Юноши шли в сумерках по улице. Из-за аромата готовящейся еды в животе заурчало. Хён Ук искоса посмотрел на друга. Се Джин поглядывал на Хён Ука. Ему нравилось рассматривать его подростковую кожу на загривке. Ноздри защекотал лёгкий запах пота, когда он вдыхал и выдыхал вечерний воздух, идя бок о бок с Хён Уком. Глаза Се Джина медленно расширились. Его Сердце трепетало, и он хотел взять друга за руку. И, если уж на то пошло, Се Джин обращал внимание не на писаных красавцев, а на крепких парней с горячим темпераментом, таких как Хён Ук.

Соседская старуха как-то спросила в шутку, нравится ли ему кто-нибудь, и Се Джин небрежно ответил, что ему нравится Хён Ук. Старуха махнула рукой и, смеясь, забормотала:

- Да нет же, какая-нибудь девочка, которую хочется держать за руки и обнимать.

Се Джин повторил свой ответ. Старуха покачала головой, решив, что всему виной влияние отсталого брата, с которым тот живёт.

Тогда Се Джин понял, что предпочтение следует отдавать не тому, кто действительно нравится, а тому, у кого нет члена между ног. И он решил не говорить людям о себе правду. В зависимости от ситуации, бросал то, что им могло понравиться и не слышать о себе обидных слов.

В конце улицы виднелась чья-то фигура.

Это был Че У. Для юноши у него было очень красивое лицо, и куда бы он ни пришёл - везде притягивал взгляды. С самого начала Че У вызывал у Се Джина интерес, возможно потому, что был одного возраста с ним. Он жил с неблагополучным старшим братом и скверной матерью. После уроков сразу уходил из школы и никогда не покидал дом. Сегодня он стоял босой под ночным небом. Его каштановые волосы развевались от ветра, словно грустная музыка. В тот момент казалось, хлопни его по плечу, и он, рассыпавшись, обернётся в пыль. Се Джин заметил, что Хён Ук пристально смотрит на Че У..

- Я протяну руку этому парню. Ты тоже можешь.

Хён Ук приобнял Се Джина за плечи, и в месте их касания прошёл электрический ток. Не в силах игнорировать жар от тела, охватившего его плечо, Се Джин спросил:

- Хочешь протянуть руку, чтобы он тебе погадал?

Хён Ук усмехнулся этой дурацкой шутке.

- Типа того. Это странный пацан. Выбьем из него дурь?

В школе и во всей округе многие считали Че У несносным, особенно Хён Ук. Но его антипатия странно беспокоила Се Джина.

- Что за детский сад, живёт себе человек, своими делами занимается. Зачем к нему лезть?

«Не смотри на него, отвернись. Не говори о нём - ни плохого, ни хорошего. Не прикасайся к нему» - Се Джин промолчал, но этот крик души застрял у него глубоко в горле.

В конце концов, произошло то, чего он так боялся. За последующие несколько дней отношение Хён Ука к Че У полностью поменялось.

- С тех пор как мама стала ходить в дом к Че У, она порхает, как балерина. А ведь раньше не могла спину разогнуть, и меня заставляла всё делать. Я немного поболтал с Че У, и оказалось, он нормальный парень.

Хён Ук постоянно говорил о Че У, и его голос раздражал Се Джина. Он, наконец, перебил

друга.

- С чего ты поменял к нему отношение? Раньше ты его терпеть не мог.

Хён Ук пожал плечами.

- Ты же сам говорил, что с ним можно поладить.

- Когда это я так говорил? Я просто просил к нему не приставать.

- Это ты моей маме скажи, чтоб она ко мне не приставала, раз у неё уже не болит спина! Знаешь как она меня тиранит, особенно когда ей плохо? А благодаря Че У боль её больше не беспокоит...

- Как ученик средней школы может вылечить спину, которая болит уже много лет? Он иглоукалывание ей делал или что?

- Она не рассказывает. Только ходит к нему в дом постоянно. А мы с отцом не у дел, даже без ужина остаёмся.

- Если она к ним постоянно ходит, то, возможно, они сблизилась?

- Да, может. Мама не договаривает, и это раздражает. Ещё она сказала, чтобы я держал язык за зубами. Так что и ты тоже не проболтайся.

Хён Ук хмыкнул и пошёл домой. После этого они больше не ходили вместе в заброшенный дом.

В среду лил дождь. Се Джин всегда посещал церковь, даже в те дни, когда Хён Ук не мог прийти. Каждую неделю там давали рис.

В тот день Се Джин сидел в опустевшем помещении храма и подпевал студентке колледжа. Она преподавала хоровое пение, и именно от этой девушки Се Джин узнал, какой именно болезнью страдает его брат. Она много раз предлагала Се Джину записаться в хористы, но тот всегда отказывался, потому что уделял много времени своему брату.

Как всегда после службы она попросила Се Джина попеть отдельно. На этот раз арию Каччини «Аве Мария». Исполняя её в первый раз, юноша переживал, потому что эта опера на иностранном языке, но на деле всё оказалось не так сложно. В тексте было мало слов. Студентка закрыла глаза, слушая голос, который эхом разносился по залу.

- Аве Мари-и-ия.

Се Джину самому нравилось петь больше, чем слушать. В тот момент головная боль прекратилась, остались только мелодия и слова, струящиеся из его рта. Звук, эхом отражаясь от стен и резонируя, заполнял всё вокруг и уносил в прошлое. Он помнил всё, что слышал, находясь ещё в утробе матери.

Теперь Се Джин стоял, опьянённый мелодией, слушая свой собственный голос, и, вдруг, почувствовал на себе чей-то взгляд. Продолжая пропевать слова, юноша блуждал глазами в поисках источника своего беспокойства. Он замолчал, когда увидел Че У. Парень наблюдал за Се Джином с улицы через окно. Было странно видеть его в церкви. Рассекреченный Че У быстро скрылся.

- Что-то не так?

Се Джин повернул голову. Студентка подняла на него удивлённые глаза.

- Нет, просто в горле запершило.

«Вот же... Припёрся... урод...»

Затем Се Джин отвлекся и допел арию до конца. Студентка наслаждалась и ещё какое-то время сидела, прикрыв веки.

- Ты, правда, хорошо поёшь. Хочется слушать снова и снова. Твой голос звучит у меня в голове.

Вздохнув, она откинула волосы на плечо и продолжила.

- Вообще-то у меня часто болит голова и бывает бессонница. Но в те дни, когда я слушаю твоё пение, боль проходит, и я крепко сплю до утра. Как жаль, что такой талант пропадает в этой глуши.

Каждый раз, когда девушка его хвалила, Се Джин чувствовал себя неловко, но внутренне осознавал, что всё-таки обладает талантом. Хористка взяла свою пушистую сумку и, вытащив из неё компакт-диск, протянула Се Джину.

- Это хор Либера Бойз, в нём мальчики твоего возраста. Можешь спеть что-нибудь из их репертуара в следующий раз?

Увидев латинские буквы на обложке, взгляд Се Джина потемнел. Девушка заметила его замешательство и с улыбкой добавила:

- Я везде подписала произношение слов корейскими буквами.

- ...

- А, почему бы тебе не спеть соло на Рождество?

- Соло?

- Ну да. Сколько раз я предлагала присоединиться к хору, но ты всегда отказываешься. Хоть на Рождество мог бы спеть. Это же не сложно?

- Но как на это посмотрят мальчики из хора? Если кто-то со стороны будет петь соло, им это не понравится.

- Я их уже спросила и никто не против. Пастор тоже дал согласие. Так хочется, чтобы люди услышали твоё пение! Вот увидишь - они будут счастливы не меньше тебя!

«Будут счастливы?..»

Это предложение озадачило Се Джина, но мысль о том, что его пение кого-то осчастливит, засела в голове.

Он осознал, что, наконец, обратили внимание на него, на его способности. Се Джин больше не несчастный подросток, ухаживающий за неполноценным братом. Он действительно хотел спеть. Когда Се Джин кивнул в знак согласия, студентка едва ли не подпрыгнула от радости.

- Начнём репетировать на следующей неделе. Знаю, у тебя своих дел полно, поэтому не отниму много времени.

Довольная собой, она закинула сумку на плечо и направилась к выходу. Но заколебавшись на мгновение, остановилась.

- А, не мог бы ты ещё завтра попеть?

- Завтра? Но ведь я ведь уже пел... И позавчера тоже.

- Да, но...Я так люблю слушать твой голос. И если затруднительно идти в церковь, то я сама приду к тебе домой, не против?

Дома у Се Джина ещё был брат, и запах стоял такой, что впустить кого-то к себе он не мог. К тому же студентка вела себя навязчиво. Сначала уговорила его петь для неё раз в месяц, потом каждую неделю или раз в три дня. Теперь же всё свелось к тому, что он пел каждый день. Повертев диск в руках, Се Джин ничего не ответил, и девушка ушла с явной досадой.

Позже Се Джин узнал, что тогда именно Хён Ук привёл Че У в церковь.

Все шло своим чередом, и незаметно наступила последняя неделя перед Рождеством. В тот день Се жину предстояло исполнить «Рождественское благословение». Девять мальчиков из хора должны были подпевать Се Джину.

Однако в первый же день репетиций возникла проблема: Уж лучше бы это был конфликт с хористами. В зале находились Хён Ук и Че У. Они сидели на последнем ряду и наблюдали. Двое о чём-то тихо спорили. Се Джин пытался унять дрожь в животе и не смотреть в их сторону.

Неожиданно Хён Ук громко обратился к студентке.

- Учитель, Че У хорошо поёт, почему бы вам не дать ему возможность?

Че У изменился в лице и стал бледным как штукатурка. Девушка с любопытством посмотрела на сидящих позади юношей.

- Правда? Че У хорошо поёт?

- Мама говорит, что от его голоса даже мертвец воспрянет духом.

- Это верно, что у Че У чистый голос, когда он говорит. Уверена, что и поёт он тоже хорошо. Че У, может присоединишься?

Студентка застыла в ожидании ответа. Се Джин чувствовал, как земля уходит из-под ног. В этот момент он ненавидел Хёна Ука не только за то, что он заварил эту кашу, но и за то, что он пытается протолкнуть Че У на его территорию.

Се Джин сжал кулаки и гневно уставился на Хёна Ука, но тот не обращал на него внимания. Он смотрел на Че У. Пытаясь разрядить возникшее напряжение, Хён Ук улыбнулся.

- Не знаешь слов, в этом всё дело? Ты же сообразительный, быстро их подхватишь.

- Я не буду петь, - в голосе Че У слышался холод.

Но Хён Ук не унимался.

- Ай, не отказывайся так сразу, попробуй разок. Мама постоянно тебя нахваливает, я тоже давно хотел это услышать. В чём проблема, стесняешься?

Се Джин не ожидал, что Хён Ук окажется таким мерзким человеком. Весь вид Че У излучал

гнев, но Хён Ук, словно не замечая, продолжал толкать его локтем.

- Ну, давай же, всего один раз!

- Я не буду петь.

- Не будь таким упёртым!

- Я сказал - нет!!!

«Дзынь» - странный звук прокатился эхом под куполом.

В этот момент оконные стёкла и клавиши пианино задребезжали.

- Ай!..

- А-а...

Хён Ук рухнул на пол, схватившись за голову. Из его носа шла кровь. Мальчики - хористы испуганно кричали. Се Джин стоял в замешательстве, затаив дыхание. Он не мог понять, что происходит с людьми вокруг него. Что-то жуткое витало в воздухе и царапало его кожу. Однако, в отличие от других, Се Джин мог себя контролировать. Дети и студентка пришли в себя, но пребывали в смятении. Тогда как страшный звук всё ещё не стих, резонируя меж стен церкви, его источник склонился над Хён Уком и холодно произнёс:

- С этого момента, если ты хоть раз сделаешь вид, что мы знакомы, я тебя убью.

После этих слов Че У выскочил за дверь. Ошарашенный Хён Ук не мог произнести ни слова, забыв даже про кровь под носом. Видя его в таком состоянии, Се Джин не испытывал жалости, скорее это было облегчение от того, что Хён Ук показал свою истинную суть. Не понимая своих же мотивов, Се Джин бросился вдогонку за Че У. Он бежал так быстро, как только мог, и, потеряв равновесие, упал со ступеней на входе. С дыркой на штанах и окровавленной коленкой он огляделся по сторонам в поисках Че У.

Се Джин забежал за здание церкви в переулок, где ранее его видел. Медленно ступая по дорожке, Се Джин увидел часть обуви, выглядывающую из-за угла. Это был Че У. Он сидел на корточках у стены, опустив голову. Се Джин пошатываясь подошёл и встал перед ним. Че У поднял на него холодный взгляд, но не двинулся с места.

Се Джин нерешительно опустился на землю рядом с ним. Че У ничего не сказал, и Се Джин немного успокоившись, прислонился спиной к стене. Облачка их горячего дыхания, смешиваясь, рассеивались в холодном воздухе. Се Джин подобрал валяющийся рядом осколок

стекла и посмотрел сквозь него на солнце.

- Я из параллельного класса, - сказал он, разглядывая осколок.

Че У кинул на Се Джина косой взгляд.

- Я знаю. Второй класс, первая группа.

От удивления глаза Се Джина округлились.

- Знаешь? Меня зовут...

- Чжан Се Джин.

- Тогда... ты, наверное, слышал про мою мать и про отца в больнице? И что у брата когнитивное расстройство?

Че У уверенно кивнул. На самом деле Се Джин и подумать не мог, что Че У было до него какое-то дело, поэтому, не знал, что сказать. Так как представляться уже не имело смысла, между юношами воцарилось молчание.

Се Джин поднял глаза на собеседника. С расстояния тот казался невесомой картинкой, которую вот-вот развеет ветер. Однако его взгляд ожесточился, а губы плотно сжались. Се Джину казалось, что Че У окружён пеленой иллюзии и, возможно, поэтому поспешил задать вопрос, пока она не исчезла.

- Так... почему же ты не стал петь? Если ты, в самом деле, в этом хорош, я был бы вовсе не против.

Бурной реакции Че У не последовало, он просто молчал. Се Джин не хотел навязываться, поэтому решил оставить эту тему. Снова промчался порыв блуждающего ветра, подхватив опавшие листья и унося их с собой. Се Джин пытался как-то залатать дырку на своих старых брюках, и эта возня действовала неожиданно успокаивающе. Спустя какое-то время, когда нос уже замёрз и затёкший зад стал покалывать, Че У заговорил.

- Я не могу.

Се Джин, всё ещё чувствуя, что Че У может испариться как мираж, осторожно спросил:

- Почему?

- Потому что мой брат велел мне не петь перед посторонними.

- А почему он не хочет, чтобы ты пел?

Че У слабо улыбнулся. То ли боль, то ли отчаяние на лице юноши заставило сердце Се Джина сжаться.

- До того как мы сюда переехали, мама работала в ресторане...

Че У откинул голову, прислонившись спиной к стене, и продолжил свой рассказ.

- Однажды мама привела домой своих друзей. Один парень из строительного бюро и женщина, которая часто приходила в бар. Поначалу они выпивали, болтали, а потом им стало скучно, и они попросили меня спеть для них. И я начал петь детские песенки, которые только мог вспомнить.

- А потом?

- Эти гости нарисовались на следующий день, и снова попросили меня спеть. И через день... Это повторялось ежедневно. Иногда они просили со слезами на глазах. Тогда мама в шутку сказала, чтоб они за это платили. И люди платили, не задавая вопросов, а она понемногу повышала цену. Один человек принёс месячную зарплату. О, как-то раз пришла женщина, которая расплатилась своим золотым колье.

«Что за бред, - Се Джин едва сдержался, чтоб не выпалить это в лицо Че У. - Отдавать всю зарплату, чтобы послушать детские песенки?»

Се Джин много повидал за свои немногочисленные годы, но это было выше его понимания.

«Это просто смешно».

Однако Че У был серьёзен.

- С тех пор мама больше не работала в ресторане, а меня просила приходить домой, не задерживаясь. Я радовался, что она больше не ходит на ту работу. Но мне стало страшно. Люди болели, но вместо того, чтобы посетить врача, приходили ко мне.

- Почему?

- Не знаю. Эти люди говорили, что им становится лучше, когда они слушают моё пение. Брат сказал, что все они чокнутые, и мать тоже.

Он помолчал.

- Поэтому брат настоял на переезде. Я даже имя сменил, чтобы меня не нашли.

- А как твоё настоящее имя?

- Не хочу даже вспоминать его. выбросить бы всё это.

Че У сидел с мрачным выражением лица. Он пытался убежать от своего прошлого, даже от своего имени, но мать возвращала его снова и снова.

- Вот почему ты не любишь петь?

- Больше боюсь, чем не люблю. Наверняка в нашем доме сейчас люди, которые меня ждут. Не хочу идти домой.

Че У прикрыл уши ладонями, словно боялся слышать голоса ожидающих его людей.. Се Джин терзался сомнениями, верить всему этому или нет. Ему было жаль Че У, которым манипулируют собственная мать и взрослые люди, посещающие их дом.

Внезапно Че У дёрнул Се Джина за штанину.

- Ты не должен никому рассказывать. Понял?

- Не только я. Ты же Хён Уку об этом говорил?

- Нет, он ничего не знает.

Се Джин почувствовал, что в чём-то превосходит Хён Ука, раз секрет доверили именно ему, Се Джину. Взвесив все за и против, Се Джин повёл Че У к себе домой. Пусть там был старший брат, и запах стоял отвратительный, всё же это лучше, чем в доме Че У.

К этому времени брат уже крепко спал. Се Джин заварил рамен. Он и Че У съели лапшу и выпили до последней капли бульон. Се Джин заметил, что гость несколько раз собирался что-то сказать, но никак не мог решиться. Се Джин вопросительно посмотрел на него в ожидании, и Че У наконец спросил:

- Се Джин, когда ты начал петь?

- Разве я могу помнить. Пел от случая к случаю.

- Тогда в церкви, я услышал твой голос и был озадачен. Я никогда не слышал такого красивого пения.

- А... Да? - Се Джин смущённо пожал плечами, нервно подёргивая ногой.

Че У беспокойно постукивал по столу кончиками пальцев.

- Тогда в церкви ты пел для учителя. Она не стала просить тебя делать это чаще? Она ничем не болеет?

- Эта девушка говорила, что её головная боль проходит. Но думаю, она так сказала, чтобы меня приободрить.

- Только она просит тебя петь?

- Ну, ещё иногда пастор и одна диакониса.

Задумавшись, Се Джин вдруг осознал, что ни разу не пел для своего брата. Он много раз ловил себя на мысли, что хочет это сделать.

Мать с отцом были заняты постоянными ссорами, и им было не до песен. Его мысль прервал голос Че У:

- Не пой на Рождество.

Он сказал это со сталью в голосе, что походило на приказ, а не на просьбу.

- Почему? - Голос Се Джина также похолодел.

- Не знаю. Когда я слушал тебя, подумал, что тебе не надо петь на Рождество. И что я должен тебе это сказать.

- По крайней мере, объясни причину, и я уже решу , делать мне это или нет. Хотя в любом случае, я собираюсь спеть.

- Не пой. Не надо.

- Почему нет?

- Не знаю. Просто не пой.

- Ты издеваешься?

Не сдержавшись, Се Джин схватил Че У за грудки. Какое-то время они стояли, молча, уставившись друг на друга. Се Джин расслабил руку, отпуская воротник Че У. Тот, отводя взгляд, припал спиной к стене, покрытой плесенью.

Пение снимало ярлыки, Се Джина признавали за его голос и умение, а семья и положение в обществе при этом не имели важности. Для него пение было отдушиной, и теперь отказаться от этого всё равно, что отказаться от жизни. Не важно какую причину придумал бы Че У для объяснения своего поведения. Се Джин злился на себя, на то, что, поддавшись порыву, привёл Че У к себе в дом. Собираясь уходить, Се Джин с сомнением бросил взгляд на гостя. Дух соперничества взял над ним верх, и, замаскировав это под любопытство, Се Джин сказал:

- Тогда, позволь мне послушать, как ты поёшь?

Брови Че У сошлись на переносице.

- Я же сказал, что брат запретил мне.

- Брату можно об этом не говорить. Ты же до этого пел для посторонних в вашем доме? Так что, ничего нового.

Че У молчал.

- Ты настаиваешь, чтобы я не пел соло, так? Так что, позволь мне принять решение после того, как я тебя послушаю.

За показным любопытством скрывалась паника. Мрачный голос нашёптывал Се Джину, что надо узнать, в чём секрет, и почему люди отдадут последнее ради песен Че У.

- Один раз. А после, я забуду, что это слышал. И обещаю подумать о сольном выступлении.

- Правда?

Решительный взгляд Че У смягчился. Боясь, как бы тот не передумал, Се Джин не моргал. Он всё пытался понять, почему Че У не даёт ему спеть соло. Но Че У и сам не знал причины. Спустя минуту молчания, которая показалась вечностью, Че У заговорил.

- Тогда, только один раз. И ты должен сдержать обещание.

- Угу. - Се Джин устроился поудобнее и сосредоточился на Че У.

Че У ещё долго не решался и потом, наконец, запел. Мгновенно распространившийся мелодичный звук заворожил Се Джина.

- Аве Мари-и-ия.

Ласковые переливы заполняли даже самые потаённые уголки пространства.

Не успела стихнуть одна музыкальная фраза, как, не прерывая мелодии, её настигала следующая, словно пел не один человек, а как минимум два. На губах и переносице Че У отражался свет. Его прозрачный голос, расщепляясь на мелкие частицы, проникал в самое сердце, сковывая всё тело. В этом звуке можно было услышать и скрипки, и арфы, и кларнеты – все инструменты мира гармонично сочетались в одном голосе.

Сознание Се Джина начало затуманиваться.

- Аве Мари-и-ия.

Этот чистый голос поглотил весь окружающий пейзаж. Звук отражался от стен, создавая новые волны. Когда казалось, что самая высокая нота была взята, голос брал её снова и пел всё выше и выше, погружая в экстаз. Он проникал в Се Джина вместе с дыханием, и от этого становилось настолько уютно, что хотелось разрыдаться. Че У своим пением, как художник, рисовал прекрасную картину. Заплесневелые стены, сухие ветви, промёрзшая земля засияли тысячами новых красок. Словно звучал голос, который Бог создал только для себя. Это был первый раз, когда Се Джин погрузился в транс. Ему стало страшно. Он сжал кулаки, опасаясь, что ещё немного, и выйти из этого состояния будет невозможно. Се Джин едва не закричал, увидев, что кровавая рана на его колене полностью исчезла. Его зрение затуманилось и он задыхался.

- Хватит, остановись!

Се Джин закричал, словно в припадке. Песня стихла, и всё вмиг исчезло.

От звука собственного голоса у Се Джина едва не лопнули барабанные перепонки. Ему хотелось убежать, но отголоски песни всё ещё преследовали его. Се Джин понял, какую песню пел Че У. Это была «Аве Мария». Се Джин прикусил солёные губы, они кровоточили. Слезы капали ему на колени, смешиваясь с каплями крови.

- Э-эта песня, откуда ты её знаешь? Среди наших ровесников её никто не знает.

Че У был напряжён, но спокойно ответил:

- Я слышал, как ты пел её.

- Ты её услышал лишь однажды и запомнил? - Се Джин пытался унять волнение в голосе.

Че У кивнул. Сердце Се Джина охватила необъяснимая тревога.

Послышался шорох и оба обернулись к его источнику. В дверях неподвижно стоял брат Се Джина. В его глазах блестел след перенесённого волнения. Старший брат, который не признавал и не видел никого, кроме Се Джина, теперь не сводил взгляда с Че У.

- Нет, пожалуйста, спой ещё, - произнёс он с восторгом в голосе.

Че У был прав. Ему нельзя петь для других людей.

- Тебя туда никто не приглашал! Ещё раз пойдёшь к тому дому, и я скажу полиции тебя арестовать!

- Хочу послушать как Че У поёт... Ещё разок...

Брат умолял со слезами на глазах.

С того дня началось то, чего опасался Се Джин. Рвение его брата пересилило даже страх и каждый день он стал бродить вокруг дома Че У. В любое время дня в его голове был только Че У.

- Где Че У?.. Когда он придёт?.. Отведи меня к нему... Че У... Че У...

- Он не придёт! Не придёт, я же сказал!

Так однажды он потерял терпение, когда понял, что его требования не собираются выполняться. Брат устроил в доме погром: наделал в штаны и испортил всю еду. Первый раз в жизни Се Джин испытал сильное желание побить брата. До этого момента только Се Джин никогда его не бросал и всегда находился рядом. Теперь брат видел в нём не защитника, а злодея. И это пугало.

Се Джин заклеил дверь снаружи скотчем и подпёр её старым телевизором, положив сверху ещё два камня. При таком риске побега, всего этого казалось мало. Убедившись в надёжности баррикады, Се Джин поспешил в супермаркет. Он бежал по переулку, когда увидел знакомую фигуру, и остановился. На дорожке у фонарного столба Хён Ук беседовал с незнакомым мужчиной. Затем человек огляделся и, перейдя на другую сторону дороги, скрылся. Заметив подошедшего Се Джина, Хён Ук неловко кивнул в знак приветствия. Се Джин почувствовал ускоренное сердцебиение. Какой бы ни была ненависть, всё же старые чувства не так легко забыть.

- Кто это?

- Да так, прохожий, спрашивал кое-что...

- Понятно, - Се Джин нашёл предлог завести беседу. Его не интересовал этот человек. Хён Ук нерешительно посмотрел туда, где тот скрылся.

- Не хочешь снова сходить в заброшенный дом? - Вопрос Се Джина повис в воздухе. Хён Ук уже стремительно направлялся в другую сторону, к дому Че У. Се Джин надеялся, что Хён Ука выставят за дверь, но этого не произошло. Он не вернулся.

Несмотря на то, что Че У понемногу отбирал у Се Джина всё, что дорого, он старался относиться к парню с сочувствием. Имея такую мать, которая использовала его, чтобы заработать, и брата-неудачника, Че У этого заслуживал. Се Джин всем сердцем старался унять кипящую ревность и превратить её в сострадание. Иначе это свело бы его с ума.

Но кое-что произошло.

Дни быстро пролетели, и настало Рождество. Даже соседи, живущие в состоянии крайней нищеты, улыбались и поздравляли друг друга. Церковь украсили еловыми ветками и игрушечными снеговиками. Снаружи и внутри галдел народ. Утром Се Джин искупал брата и повёл его в церковь.

- Я хочу домой...

Се Джин остановился, пытаясь успокоить его, но тот вопил, оттопырив зад. Если бы он просто молчал, скрывая заикание и недоразвитость, его можно было бы передвигать в любое место, не вызывая лишнего любопытства. Брат не выносил толпу, но сегодня Се Джин в первый раз собирался спеть для него. Как и следовало ожидать, Хён Ук и Че У, в этот день не пришли.

- Никуда не уходи, я спущусь, как только закончу петь.

Се Джин усадил брата и вручил ему чашу со свечой. Затем он юркнул за кулисы и облачился в костюм ангела, водрузив на голову бутафорский нимб. На сцене, по обе стороны от Се Джина, стояли хористы. Мальчики нервничали, и даже Се Джин был готов удариться в панику. Полы красного занавеса разъехались, открывая освещённые подмости.

Свечи в руках прихожан мерцали, напоминая ночной город. А дети, окружённые огнями, были похожи на мельничих фей, замерших в ожидании рождественского веселья.

Зазвучало фортепиано, и чистый голос запел:

«Не забыть мне Рождество, проведённое с тобой,  
Радость встречи подарил нам тот зимний день благой.  
Память бережно хранит череду событий тех,  
Пусть в разлуке, но сердцами мы связаны навек».

Сегодня Се Джин чувствовал, что мог избавиться от кошмарных воспоминаний детства, связанных с этим праздником, и заменить их новыми. Он мог подарить брату только то, что умел лучше всего, – песню для него.

На фоне стройного хора Се Джин пел, обращаясь к брату.

«И для тебя я спою, если встретимся вновь,  
Озаришь ты своей улыбкой мир  
Пусть души соединит колокольцев звон.  
Только радость нас ждёт впереди....»

Голос Се Джина заполнил аудиторию. Шок от голоса Че У ещё не развеялся, но во время пения все тревоги Се Джина отпускали его, и не требовалось никаких усилий, всё происходило само собой.

Он словно стремился, чтоб его голос, не имеющий цвета и запаха, стал осязаемым, и охватил всё вокруг: стулья, деревья, грязных людей, а, затем, полностью всё это очистил. Изредка его посещали эти мысли.

Внезапно Се Джин замолк. Студентка, акомпанирующая на фортепиано, испуганно нахмурилась. Голоса мальчиков из хора нерешительно стихали один за другим. В темноте зала мигали жёлтые и красные фонарики. Се Джин напряженно вглядывался в одну точку. На стуле, куда он ранее усадил брата, стояла только чаша со свечой.

Танн!

Се Джин со всех ног бежал по улице, не скинув даже крылья ангела. Прибежав к дому, он распахнул дверь, но его встретила только темнота и стальной холод комнаты. Запыхавшись, Се Джин шагнул внутрь. Терзаясь дурным предчувствием, мальчик почувствовал, как дышать становится всё тяжелее. Кроме их дома, было всего одно место, куда его брат мог пойти, бросив Се Джина.

«Ах ты, собака! Дебил, ты ведь даже помочиться сам не можешь!»

Под ледяным дождём Се Джин помчался на другую сторону улицы. Мёрзлые капли жалили его лицо. В одном из соседних домов пели колядки. А кто-то в этот момент распаковывал подарки...

« - Кого ты любишь больше всех на свете?»

- Се Джина, любимого братика».

«Враньё! Всё враньё! Какой же грязный вран!»

Брат Се Джина совершенно не имел в мыслях того, что говорил. Как Се Джин обманывал сам себя, так и его брат говорил ему то, что он хотел слышать. Всё так же, как и с Хён Уком. Се Джин был ближайшим соседом Че У, и в последствии стал отличным мостом к тому, что принадлежало Се Джину. Не успел он опомниться, как Че У уже «ел из его тарелки». Сколько бы раз он не морозил руки, отстирывая бельё и как сильно не ломилась бы спина после ночной готовки и кормления, никогда его брат не осознает те слова, что говорил Се Джину.

Чувствовал бы он себя по-другому, если бы знал, что брата у него отнимут? Без иммунитета от болезни очень трудно оправиться. Напротив, к одной невзгоде липнет новая. Соло провалилось, и этот день стал ещё одним кошмарным Рождеством в его жизни. Больше никогда он не будет ждать этого праздника. Се Джин не замечал, что, всхлипывая, плачет, и только когда во рту почувствовал горечь слёз, он осознал глубину своей печали.

Юноша одиноко стоял под дождём, тяжело выдыхая белый пар, который тут же смывался косыми холодными штрихами. Порыв ветра полоснул его по груди, растрепав одежду. Се Джин прошёл по извилистому серому переулку, достигнув развилки, и сбежал по крутому склону. Обойдя дом Че У с другой стороны, он остановился напротив, не сводя распахнутых глаз. И вдруг:

«Хватит! Хватит! Ненавижу!»

Зловещая аура витала вокруг в тот момент. Се Джин решительно направился к дому Че У. Приблизившись, он повернул за угол, распахнул калитку и шагнул во двор. В доме было темно и тихо, и только дождь громко барабанил по крыше. Се Джин медленно подошёл и толкнул входную дверь, которая поддалась с жутким скрипом, открыв кромешную тьму. Ослеплённый мраком, Се Джин не решался сделать и шага.

- Ты здесь живёшь? - слышалось за спиной.

Повернув голову, Се Джин увидел человека, стоящего в темноте перед калиткой. Он держал на плече раскрытый зонтик, чёрный, как ночное небо. Дым сигареты в его руке, колыхаясь рассеивался, словно платье призрачной невесты.

Се Джин потёр замёрзшие ладони и посмотрел за ворота, но не увидел на улице ни одного

прохожего.

Делая затяжку, мужчина продолжал на него смотреть, ожидая ответа. Се Джин не доверял незнакомцам и поэтому говорил уклончиво.

- Нет. Я просто... Я тут гуляю.

- Как же тебя воспитывали, если тыходишь в чужие дома в такой час? О, да всё нормально. Я знаю, что это неправда, у меня на ложь особое чутьё.

Ступая по лужам, мужчина подошёл к Се Джину. Из-за его высокого роста чтобы взглянуть ему в лицо, Се Джину запрокинул голову. Судя по шрамам на впалой щеке, жизнь этого человека была полна событий. Незнакомец источал угрозу, и это сковывало тело сильнее, чем декабрьский мороз. У Се Джина перехватило дыхание, и он замер, почувствовав, как кровь стынет в жилах. На шее незнакомца сидел большой скорпион.

- Как тебя зовут? - Снова спросил человек. Се Джин не мог представить, кем тот мог быть и почему об этом спрашивает, но давящий влажный воздух вокруг заставлял его покорно отвечать.

- Ч-чжан Се Джин...

- Возраст?

- Че... четырнадцать.

Незнакомец обнажил зубы в улыбке.

- Я с ног сбился в поисках тебя.

<http://bllate.org/book/14585/1293797>